

Ведерникова П.В. (Екатеринбург, УрГПУ)

Интертекстуальность в книге Аи ЭН «Библия в SMSках»

Аннотация. Статья рассматривает связь эпитафий и библейского претекста в книге Аи ЭН «Библия в SMSках». Выделяются основные функции интертекста. Отмечается, что выдержки смс-переписки являются звеном в характеристике персонажей: герои модернизируют и иронически остраивают авторитетный библейский текст, который в мире героев получает тривиально-бытовую интерпретацию.

Ключевые слова: интертексты; функции интертекста; эпитафии; претексты; sms; библейские тексты; литературные герои; литературное творчество.

Vedernikova P.V. (Ekaterinburg, USPU)

Intertextuality in the book “Bible in SMS” of Aya En

Abstract. The article covers the connection between epigraphs and biblical pretexts in the book of Ai En “The Bible in Sms”. The main functions of intertext are distinguished. According to the excerpts of SMS correspondence is a link in the characterization of the characters: the characters modernize and ironically remove the authoritative biblical text, which in the world of heroes, receives a trivial interpretation.

Keywords: intertexts; intertext functions; epigraphs; pretexts; sms; bible texts; literary heroes; literary creation.

О феномене интертекстуальности написано значительное количество научных работ, исследования интертекста – до сих пор бурно развивающаяся область гуманитарной науки. В качестве рабочего для нашей статьи мы выбрали определение И. П. Смирнова: «Интертекстуальность – это слагаемое широкого родового понятия, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается или в творчестве того же автора, или в смежном искусстве, или в предшествующей литературе» [Смирнов, 1995, с. 193]. Отметим, что необходимо также

разграничивать понятия «интертекст» и «интертекстуальность». По мнению Н. Пьеге-Гро, «интертекстуальность – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывается на другой текст, а интертекст – это совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением (в случае аллюзии) или включается в него (как в случае цитаты) [Степанов, 2001, с. 49].

«Библия в SMSках» – одно из самых спорных произведений последних лет, сюжет которого развивается вокруг наследства и Библии (бабушка Вигнатя не хочет распределять между внуками свое состояние, пока те не прочтут Священное Писание). Старший брат Макс пытается помочь сестре Еве в достижении ее цели, поэтому пересказывает ей Библию в смс-переписке. Вторая сюжетная линия связана с братьями Салимом и четырехлетним Стасом: они остаются без мамы и вынуждены жить у бабушки, которая пытается найти средства для существования. Салим, надеясь на помощь отца, отправляется на его поиски и находит нового друга – Еву. Герои из абсолютно разных миров встречаются, влюбляются, но расстаются.

Стоит коротко отметить структуру книги: в произведении 31 глава, каждая из которых начинается с выдержки из смс-переписки главных героев – Макса и Евы, где иронично описывается, пересказывается Библия. В Послесловии эпитаф отсутствует. Таким образом, можно сказать, что здесь мы имеем дело со сложным сочетанием паратекстуальности и интертекстуальности: поскольку интертекстуально насыщенными являются рамочные компоненты текста (названия и эпитафы глав). В статье мы обратимся только к одному варианту интертекстуальности книги Аи ЭН, а именно рассмотрим отношения между эпитафами и библейскими претекстами.

Наблюдая за эпитафами ко всем главам произведения, можно сказать, что последовательность эпитафов не создает никакого отдельного, нового сюжета. Хронологической логики в их использовании тоже нет – все претексты взяты из разных книг и заветов Библии. Примечательно лишь одно: эпитаф первой главы «День первый» отсылает к первой главе книги Моисеева – Бытию, а это, между тем, и первая книга самой Библии, Ветхого завета. Последняя глава «Зима после» имеет претекст

из Апокалипсиса, последней книги Нового завета. Создание мира в первой главе описывается Максом так: «*Ничо нема. Б сотворил небо & небо. Носился над водой*» [А. Эн, 2012, с. 7]. В последнем эпиграфе герои размышляют о словах Иоанна Богослова, который сулил беды и язвы каждому, кто приложит что-то к словам Библии (то есть главным героям), на что Макс, отшучиваясь, говорит: «*Может и ждет...Но разве это повод врать или быть зомбированным идиотом*» [Там же, с. 239]. Таким образом, эпиграфы иронично вписывают приключения героев в библейскую историю, намечают начало и конец мира.

В рамках анализа мы опирались на классификацию разных типов взаимодействия текстов, которые разработал и описал французский исследователь Ж. Женетт в своей работе «Палимпсесты: Литература во второй степени». Обратимся к этой классификации.

1. Интертекстуальность – соприсутствие одного текста в другом (с помощью цитат, аллюзий, плагиата и т. д.).

2. Паратекстуальность, то есть связь текста и его заглавия, послесловия, эпиграфа, эпилога и т. д.

3. Метатекстуальность – ссылка, которая комментирует или критикует свой претекст.

4. Гипертекстуальность, а именно – ирония или пародирование одного текста другим.

5. Архитекстуальность, которая понимается как жанровая связь текстов [Женетт, 1989, с. 213].

Исследователями также описаны функции интертекста. Опираясь на классификации Натали Пьеге-Гро [Пьеге-Гро, 2008, с. 95-104], Н. А. Фатеевой [Фатеева, 2007, с. 37-38], классическую модель функций языка Р. Якобсона [[Якобсон http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm](http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm)], мы сформировали примерную систему функций интертекста:

*Об *экспрессивной* функции можно будет говорить в тех случаях, когда интертекстуальная отсылка станет самовыражением автора.

**Конативная* функция проявляется в том, что интертекст может быть ориентирован на конкретного адресата.

**Игровая* функция предполагает, что распознавание интертекстуальных ссылок может быть для читателя своего рода «игрой».

**Метатекстовая* функция дает читателю альтернативу: он может продолжить чтение, не обращая внимания на интертекст, а может провести собственный анализ данного фрагмента с отсылкой на текст-предшественник.

**Функция характеристики персонажей* – интертекст позволяет лучше понять героев, их действия, поступки, натуру.

На примере трех эпитафий попробуем рассмотреть особенность использования интертекста и некоторые его функции.

В третьей главе под названием «Все будет просто зашибись» претекст выдержки из SMS-переписки двух молодых людей стоит искать в Ветхом завете, в Исходе, в 37 главе. В эпитафии интертекстуальной является фраза: «*Ковчег был из дерева ситтим, метр-полтора длиной*» [А. Эн, 2012, с. 21]. Данный интертекст достигается благодаря цитате с точной атрибуцией, но не тождественным воспроизведением образца: «*Ковчег был из дерева ситтим*» [Библия <https://ekzeget.ru/bible/ish/37/>]. Примечательно, что используемую в библейском тексте меру исчисления герой переводит в знакомую ему систему координат (ковчег был «метр-полтора длиной»). Нельзя не заметить в тексте эпитафии также аллюзию на еще одну часть Библии, а именно фразу Макса: «НЕ ТОТ ковчег! Биообразцы Ной собирал» [А. Эн, 2012, с. 21]. Данная аллюзия отсылает к Ветхому завету, Бытию, главам 6-9.

Текст-предшественник претерпевает существенные изменения, герои его перерабатывают по-своему и передают друг другу через сленговые слова, современный им язык. Так, например, эмоции выражаются с помощью скобочек: «))))))))))))))))))))))))))», текстовых смайликов: «0_o», «%» и междометий: «Бррр», «Нууу». Заметен перенос особенностей молодежной устной речи на речь письменную: «карочь», «штоли», «лана», «случ» и т. д. Подростки употребляют их для экономии речевых усилий. Однако без особых трудностей современный читатель поймет, о чем идет речь, так как смысловые части переданы кратко, но понятно. Стоит особо отметить, что в данном случае оба героя иронически заменяют библейское «пара тварей» на «био-образцы». На протяжении всего произведения Библия воспринимается через призму иронии и сарказма. Ева в любой удобной ситуации демонстрирует свое чувство юмора, например, «ВЕСЕЛИИЛ РАЗВЕСЕЛИИЛ!».

Опираясь на классификацию функций интертекста, которую мы привели ранее, можно говорить о роли интертекстуальной отсылки в данном фрагменте. Важно, что в данном случае (и в книге в целом) обращение героев с библейским текстом становится одним из способов характеристики персонажей. Исходя из одного лишь эпиграфа можно заключить, что Макс более религиозен, чем Ева: он прерывает ее богохульства: «Не богохульствуй все-таки, лана». Макс трепетно относится к сестре и называет ее хоть и с укором, но «подругой». У Евы живой и цепкий ум, поэтому библейские сюжеты она быстро переосмысляет в реалиях XXI века – так, например, истории с ковчегами в ее интерпретации принимают такой вид: «1Й большой ковч был с мясом на случ потопа, 20Й маленький с водой для засухи!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»). Однако, как было сказано выше, оба героя воспринимают библейские сюжеты с насмешкой, «свысока» – как бесконечно устаревший текст (отсюда и стремление осовременить его – потому и появляются в истории с ковчегом «био-образцы»).

Претекстом эпиграфа к 20 главе «Летающий ползать» является книга пророка Исаии, глава 6, однако в данном эпиграфе имеется еще и интертекстуальная отсылка к художественному произведению, а именно стихотворению Александра Сергеевича Пушкина «Пророк». Интертекст достигается благодаря цитате с точной атрибуцией: «И шестикрылый серафим на перепутье мне явился». Интертекстуальной также становится цитата с неточным воспроизведением образца: «Они двумя крыльями лицо прикрывали, двумя – ноги, а двумя – летали» [А. Эн, 2012, с. 149-150], текст-донор, как мы отметили выше, взят из Библии: «Вокруг Него стояли Серафимы; у каждого из них по шести крыл: двумя закрывал каждый лице свое, и двумя закрывал ноги свои, и двумя летал» [Библия <https://ekzeget.ru/bible/is/6/>].

Впервые за все произведение художественный и библейский интертекст находятся так близко (в том числе и потому, что само стихотворение А. С. Пушкина отсылает к Ветхому завету). Претекст претерпевает значительные изменения: как и в предыдущем эпиграфе, герои переносят особенности современной им устной речи в речь письменную («стишог», «чесслово», «дисконф»). Доходит до того, что сама Библия сокращается до «Биб». Эмоции выражаются с помощью восклицательных знаков, текстовых смайликов: «%»),

«Лол!», а также скобочек. Стоит отметить, что в смс-переписке именно скобочки часто заменяют смех, что вновь говорит о том, что библейские сюжеты воспринимаются с иронией. Так, например, само существование серафима вызывает у Евы смех.

В данном случае особого внимания заслуживает функция характеристики персонажей, ведь использование стихотворения можно расценивать как самовыражение героев. Ева цитирует Пушкина, Макс цитирует Библию – и получается, что герои ставят в один ряд художественный текст и Писание. Таким образом подчеркивается, что и Библия для них – художественное произведение, результат чьей-то фантазии. Кроме того, божественные создания воспринимаются Евой с явной иронией, она говорит, что стихотворение не учит, а «заучивает», так как учить стихотворение про серафимов: «жесть». Таким образом, работа с художественным претекстом вновь характеризует персонажей, которые привыкли жить в реалиях XXI века и не готовы поверить в возможность чудесного.

В главе 21 «Я иду тебя искать» претекстом (впервые в книге) становится Псалтырь, а именно псалом 123. Псалом – гимн иудейской и христианской религиозной поэзии и молитва из Ветхого Завета [Академик: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/18021>]. Соприсутствие одного текста в другом достигается благодаря аллюзии: «Спасибо Бог, что нам помог! Люди бы нас убили, воды бы нас потопили, короче – спасибо, Бог, ты сделал все, что смог!» [А. Эн, 2012, с. 158-159]. Претекстом же будет: «Если бы не Господь был с нами, – да скажет Израиль, -

2если бы не Господь был с нами, когда восстали на нас люди,

3то живых они поглотили бы нас, когда возгорелась ярость их на нас;

4воды потопили бы нас, поток прошел бы над душою нашею;

5прошли бы над душою нашею воды бурные.

6Благословен Господь, Который не дал нас в добычу зубам их!» [Библия <https://ekzeget.ru/bible/ps/123/>].

Претекст в этот раз не просто претерпевает изменения, он меняет и форму – из молитвы превращен в стихотворение. Однако стихотворство становится «заразительным» и, моделируя ситуацию потопа, Ева сочиняет свои стихи: «Спасибо, уроды,

что не потопили нас воды!», «И продолжуху лови: спасибо мамочка, что не утопила меня в ванночке, спасибо папулька, что не пустил в меня пульку...» [А. Эн, 2012, с. 158-159].

Стоит также отметить аллюзивность при использовании имен – Пушкина и матери Терезы. Только если Пушкин ассоциируется с поэтом и употребление его имени в рамках разговора о стихах и рифмах – понятно, то упоминание в данном контексте матери Терезы вызывает вопросы. Стоит также отметить, что Макс вновь просит Еву не богохульствовать, однако же в свою очередь превращает псалом в шуточное стихотворение. Искренняя благодарность за спасение жизни и души, описанная в библейском претексте, воспринимается героями иронически. Они не верят в Потоп – а поэтому не верят и в спасение, в чудо, которое мог сотворить только Господь Бог.

Помимо того, что интертекст в трех фрагментах выполняет уже отмеченную функцию характеристики персонажей, он в книге Аи Эн становится своеобразной игрой. В мире героев переработка библейского текста – попытка сделать приятным и веселым скучное чтение Библии, для читателя – игра, выведенная на новый уровень. Сталкиваясь перед каждой главой с модернизированной цитатой из Ветхого или Нового завета, читатель оказывается перед выбором: он может отказаться от этой игры (например, осознав, что всякий раз новая глава снабжается иронической переделкой Библии и не углубляясь в подробности цитирования), может позволить вовлечь себя в разгадывание интертекстуального ребуса (откуда именно цитата? Почему именно она? Почему предшествует именно этой главе? и т. д.).

В целом, говоря пока только о связи эпиграфов со своими претекстами и о функциях этой интертекстуальности, можно сделать вывод, что эпиграф и его библейский претекст – это новое поле для размышления читателей, ведь именно эти выдержки смс-переписки являются показательным звеном в характеристике персонажей. Пытаясь сделать Библию «нескучной», герои всегда прибегают к одним и тем же механизмам: ироническое остранение, «апгрейд» (устаревшее заменяется на новое, современное), в результате чего авторитетный библейский текст и события, описанные в нем и свидетельствующие о божественном провидении, в мире героев получают тривиально-бытовую интерпретацию. Современный взгляд на мир,

представленный в эпитафиях через позицию Макса и Евы, как будто не предполагает чуда. Напротив, в нем работает принцип замены единичного, необычного на массовое и тиражируемое.

Поскольку пока мы проанализировали лишь интертекстуальность эпитафий, можем лишь предположить, какую функцию по отношению к основному тексту будет выполнять эпитафия. На наш взгляд, эпитафия играет роль проводника между миром героев и миром Библии, библейские претексты во многом могли бы помочь героям в решении сложных ситуаций, если бы те на самом деле читали Библию.

Литература

А. эН. Библия в СМСках. – WebKniga, 2012. – С. 7, 21, 149, 150, 158, 159, 239.

Библия. Ветхий завет. Исаии. Глава 6. – Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/is/6>.

Библия. Ветхий завет. Исход. Глава 37. – Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/ish/37>.

Библия. Ветхий завет. Псалтирь. Псалом 123. – Режим доступа: <https://ekzeget.ru/bible/ps/123>.

Женетт Ж. Палимпсесты: Литература во второй степени. – М.: Наука, 1989. – С. 213.

Интернет-словарь Академик. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/18021>.

Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 95-104.

Смирнов И. П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. – СПб.: СПбГУ, 1995. – С. 193.

Степанов Ю. С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: к основаниям сравнительной концептологии // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 2001. – Т. 60. – С. 49.

Фатеева Н. А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. – Изд. 3-е. – М., 2007. – С. 37-38.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>.